

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

Перевод с испанского и послесловие Бориса Дубина *

The Thing I am

Не помню имени, но я не Борхес
(Он в схватке под Ла-Верде был убит),
Не Асеведо, грезящий атакой,
Не мой отец, клонящийся над книгой
И на рассвете находящий смерть,
Не Хейзлем, разбирающий Писанье,
Покинув свой родной Нортумберленд,
И не Суарес перед строем копий.
Я мимолетней и смутнее тени
От этих милых спутанных теней.
Я память их, но и другой, который
Бывал, как Данте и любой из нас,
В единственном немыслимом Раю
И стольких неизбежных Преисподних.
Я плоть и кровь, невидимые мне.
Я тот, кто примиряется с судьбою,
Чтоб на закате снова расставлять
На свой манер испанские реченья
В побасенках, расходующих то,
Что называется литературой.
Я старый почитатель словарей,
Я запоздалый школьник, поседевший
И постаревший, вечный пленник стен,
Заставленных слепой библиотекой,
Скандирующий робкий полустих,
Заученный когда-то возле Роны,
И замышляющий спасти планету
От судного потопа и огня
Цитатой из Вергилия и Федра.
Пережитое гонится за мной.
Я — неожиданное воскрешенье
Двух Магдебургских полушарий, рун
И строчки Шефлеровых изречений.
Я тот, кто утешается одним:
Вспоминаньем о счастливом миге.

---

* ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС — Стихи (*Перевод с испанского и послесловие Бориса Дубина*) // *Иностранная литература*, 1990, № 12, 50–59.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://imwerden.de>

Я тот, кто был не по заслугам счастлив.
Я тот, кто знает: он всего лишь отзвук,
И кто хотел бы умереть совсем.
Я тот, кто лишь во сне бывал собою.
Я это я, как говорил Шекспир.
Я тот, кто пережил комедиантов
И трусов, именующихся мной.

Буэнос-Айрес

Когда-то я искал тебя, отрада,
Там, где сходились вечер и равнина,
И холодок от кедров и жасмина
Дремал в саду за кованой оградой.
Ты был в Палермо — родине поверий
О днях клинка и карточной колоды
И в отсветах пожухлой позолоты
На рукояти молотка у двери
С кольцом на пальце. След твоей печати
Лежал в дворах, спускающихся к югу,
В растущей тени, ползавшей по кругу
И медленно густевшей на закате.
Теперь во мне ты, ставший потайною
Моей судьбой — всем, что уйдет со мною.

*Воспоминание о смерти
полковника Франсиско Борхеса (1833—1874)*

Он видится мне конным той заветной
Порой, когда искал своей кончины:
Из всех часов, соткавших жизнь мужчины,
Пребудет этот — горький и победный.
Плывут, отсвечивая белизною,
Скакун и пончо. Залегла в засаде
Погибель. Двигается с тоской во взгляде
Франсиско Борхес пустошью nocturnoю.
Вокруг — винтовочное грохотанье,
Перед глазами — пампа без предела, —
Все, что сошлось и стало жизнью целой:
Он на своем привычном поле брани.
Тень высится в эпическом покое,
Уже не досягаема строкою.

Музыкальная шкатулка

Японская мелодия. Скупая
Клепсидра, одаряющая слух
Незримым золотом, тягучим медом
Бессчетных капель с общею судьбой —
Мгновенной, вечной, тайной и прозрачной.
Боишься за любую: вдруг конец?
Но звуки длятся, возвращая время.
Чей храм и палисадник на холме,
Чьи бденья у неведомого моря,
Какая целомудренная грусть,
Какой умерший и воскресший вечер
Их в смутное грядущее мне шлют?
Не знаю. Все равно. Я в каждой ноте.
Лишь ей живу. И умираю с ней.

Восток

Рука Вергилия минуту медлит
Над покрывалом с ключевой струей
И лабиринтом образов и красок,
Которые далекий караван
Довез до Рима сквозь песок и время.
Шитье войдет в строку его «Георгик».
Я не видал, но помню этот шелк.
С закатом умирает иудей,
К кресту прибитый черными гвоздями
По воле претора, но род за родом
Несчетные династии земли
Не позабудут ни мольбы, ни крови,
Ни трех мужчин, распятых на холме.
Еще я помню книгу гексаграмм
И шестьдесят четыре их дороги
Для судеб, ткущих бдения и сны.
Каким богатством искупают праздность!
И реки золотых песков и рыбок,
Которыми Пресвитер Иоанн
Приплыл в края за Гангом и рассветом,
И хайку, уместившийся в три стиха
Звук, отголосок и самозабвенье,
И джинна, обращенного дымком
И заключенного в кувшин из меди,
И обещанье, данное в ночи.
Какие чудеса таит сознание!
Халдея, открывательница звезд;
Фрегаты древних лузов, взморье Гоа.
Клайв, после всех побед зовущий смерть,
Ким рядом с ламой в рыжем одеянье,
Торящий путь, который их спасет.
Туманный запах чая и сандала.
Мечети Кордовы, священный Аксум
И тигр, который зыбится как нард.

Вот мой Восток — мой сад, где я скрываюсь
От неотступных мыслей о тебе.

Олав Магнус (1490—1558)

Создатель этой книги — Олав Магнус,
Священник, верный Риму в грозный век,
Когда весь Север обратился к Гусу,
Уиклифу и Лютеру. Расставшись
С Большой Медведицей, по вечерам,
В Италии, он находил отраду,
Творя историю своих краев
И дополняя рассказами даты.
Однажды — лишь однажды! — я держал
В руках ту книжицу. Года не стерли
Пергаментный старинный переплет,
Курсив, неотразимые гравюры
На меди и добротные столбцы
Латыни. Помню то прикосновенье.
О непрочтенный и бесценный том,
Твоя недостижимая вечность
Тем временем вступила в гераклитов
Поток, опять смывающий меня.

Луису де Камоэнсу

Года без сожаления и мести
Сломили сталь героев. Жалкий нищий,
Пришел ты на родное пепелище,
Чтобы проститься с ним и жизнью вместе,
О капитан мой. В колдовской пустыне
Цвет Португалии полег, спаленный,
И вот испанец, в битвах посрамленный,
Крушит ее приморские твердыни.
О, знать бы, что у той кромешной влаги,
Где завершаются людские сроки,
Ты понял: все, кто пали на Востоке
И Западе земли, клинки и флаги
Пребудут вечно в неизменном виде
В твоей вновь сотворенной «Энеиде».

К немецкой речи

Кастильское наречье — мой удел,
Колокола Франсиско де Кеведо,
Но в нескончаемой моей ночи
Есть голоса утешней и роднее.
Один из них достался мне в наследство —
Библейский и шекспировский язык,
А на другие не скупился случай,
Но вас, сокровища немецкой речи,
Я выбрал сам и много лет искал.
Сквозь лабиринт бессонниц и грамматик,
Непроходимой чащей склонений
И словарей, не твердых ни в одном
Оттенке, я прокладывал дорогу.
Писал я прежде, что в ночи со мной
Вергилий, а теперь могу добавить:
И Гёльдерлин, и «Херувимский странник».
Мне Гейне шлет нездешних соловьев
И Гёте — смуту старческого сердца,
Его самозабвенье и корысть,
А Келлер — розу, вложенную в руку
Умершего, который их любил,
Но цвета этой больше не увидит.
Язык, ты главный труд своей отчизны
С ее любовью к сросшимся корням,
Зияньем гласных, звукописью, полной
Прилежными гекзаметрами греков
И ропотом родных ночей и пущ.
Ты рядом был не раз. И нынче, с кромки
Бессильных лет, мне видишься опять,
Далекий, словно алгебра и месяц.

Джону Китсу (1795—1821)

Жестокой красотой до могилы
Ты жил: она, тебя подстерегая
Повсюду, как других — судьба, благая
Или худая, поутру сквозила
В столичной дымке, на полях изданья
Античных мифов, в неизменной раме
Дней с их общедоступными дарами,
В словах, во встречах, в поцелуях Фанни
Невозвратимых. О недолговечный
Китс, нас оставивший на полуфразе —
В бессонном соловье и стройной вазе
Твое бессмертье, гость наш скоротечный.
Ты был огнем. И в памяти по праву
Не пеплом станешь, а самую славой.

Малому поэту 1899 года

Найти строку для тягостной минуты,
Когда томит нас день, клонясь к закату,
Чтоб с именем твоим связали дату
Той тьмы и позолоты, — вот к чему ты
Стремился. С этой страстью потайною
Склонялся ты по вечерам над гранью
Стиха, что до кончины мирозданья
Лучиться должен той голубизною.
Чем кончил да и жил ли ты, не знаю,
Мой смутный брат, но пусть хоть на мгновенье,
Когда мне одиноко, из забвенья
Восстанет и мелькнет твоя сквозная
Тень посреди усталой вереницы
Слов, к чьим сплетеньям мой черед клониться.

Море

Морская вечно юная стихия,
Где Одиссей скитается без срока
И тот Улисс, кого народ пророка
Зовет Синдбадом. Серые морские
Валы, что меряют взглядом Эйрик Рыжий
И человек, создавший труд всей жизни —
Элегию и эпос об отчизне,
В далеком Гоа утопая в жиже.
Вал Трафальгара. Вал, что стал судьбою
Британцев с их историей кровавой.
Вал, за столетья обгаренный славой
В давно привычном исступленье боя.
Стихия, вновь катящая все те же
Валы вдоль бесконечных побережий.

Суббота

Слепой старик в пустующих покоех
Трудит все тот же замкнутый маршрут
И трогает безвыходные стены,
Резные стекла раздвижных дверей,
Шершавые тома, для книгочея
Закрытые, дошедшее от предков,
Потухшее с годами серебро,
Водопроводный кран, лепной орнамент,
Туманные монеты и ключи.
Нет ни души ни в зеркале, ни в доме.
Туда-обратно. Достает рукой
До ближней полки. Для чего, не зная,
Ложится вдруг на узкую кровать
И чувствует: любое из движений,
Опять сплетающихся в полумраке,
Подчинено таинственной игре
Какого-то неведомого бога.
По памяти скандирует отрывки
Из классиков, прилежно выбирает
Из множества эпитет и глагол
И кое-как выводит эти строки.

Ключ в Ист-Лансинге

Кусочек стали с выточенным краем,
Завороженный смутной дремотой,
Вишу я у безвестного комода,
На связке до поры незамечаем.
Но есть на свете скважина в стеклянной
Двери с железной кованою рамой —
Единственная. А за ней — тот самый
Дом, и неведомый, и долгожданный.
Там зеркала сизеют в пыльной дымке,
И чуть маячат за всегдашней мглою
Ушедших смеркшиеся фотоснимки
И фотоснимков тусклое былое.
Рука однажды той двери коснется,
И наконец бородка повернется.

Причины

Былые вечера и поколенья.
Начала не имеющие дни.
Глоток воды, коснувшийся гортани
Адама. Безмятежный райский строй.
Зрачок, пронизывающий потемки.
Клубленье волчьей свадьбы на заре.
Слова. Гекзаметры. Зеркальный отсвет.
Высокомерье Вавилонской башни.
Любимая халдеями Луна.
Неисчислимы песчинки Ганга.
Сон мотылька о яви Чжуан-цзы.
Заветный сад на острове блаженных.
Загадочный бродячий лабиринт.
Бессрочная тканьина Пенелопы.
Зенонов круг сомкнувшихся времен.
Монета, вложенная в рот умершим.
Геройский меч на роковых весах.
Любая капля греческой клепсидры.
Штандарты. Летописи. Легионы.
Палатка Цезаря фарсальским утром.
Тень трех крестов на меркнувшем холме.
Восток, отчизна алгебры и шахмат.
Следы бесчисленных переселений.
Державы, покоренные клинком.
Бессменный компас. Грозная стихия.
Часы, отстукивающие память.
Король под занесенным топором.
Несчетный прах давно погибших воинств.
Трель соловья над датскою землей.
Самоубийца в зеркале. Колода
Картежника. Несытый блеск монет.
Преображенья облака над степью.
Причудливый узор калейдоскопа.
Любая мука. Каждая слезинка.
...Как все с необходимостью сошлось,
Чтоб в этот миг скрестились наши руки.

Читатели

Я думаю о желтом человеке,
Худом идальго с колдовской судьбою,
Который в вечном ожиданье боя
Так и не вышел из библиотеки.
Вся хроника геройских походов
С хитросплетеньем правды и обмана
Не автору приснилась, а Кихано,
Оставшись хроникою сновидений.
Таков и мой удел. Я знаю: что-то
Погребено частицей заповедной
В библиотеке давней и бесследной,
Где в детстве я прочел про Дон Кихота.
Листает мальчик долгие страницы,
И явь ему неведомая снится.

Примечания

The Thing I am

The Thing I am — каков я есть (*англ.*) — реплика из комедии Шекспира «Конец — делу венец», акт IV, сцена 3 (*перев. П. А. Канишина*), которую Борхес в специальном примечании сопоставляет еще и с библейскими словами Бога о себе: «Я есмь Сущий» (Исход, 3, 14). (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Асеведо, Хейзлем, Суарес — предки поэта.

Иоганнес Шефлер (1624—1677) — немецкий поэт-мистик, известный под именем Ангелус Силезиус, автор книги стихотворных изречений «Херувимский странник».

Буэнос-Айрес

Палермо — предместье Буэнос-Айреса, квартал картежников и бандитов.

Восток

Книга гексаграмм — «Ицзин» — гадательная книга древнего Китая.

Пресвитер Иоанн — персонаж средневековых легенд, основатель мифического царства на Востоке.

За Гангом и рассветом — измененная цитата из X сатиры Ювенала, ранее мелькавшая в рассказе Борхеса «Человек на пороге».

Гоа — область на западном побережье Индии, центр португальских владений на Востоке в эпоху Возрождения.

Роберт Клайв (1725—1774) — английский военачальник, заложивший основу британского господства в Индии, первый колониальный губернатор Бенгалии.

Ким — герой одноименного романа Редьярда Киплинга.
Аксум — древнее царство на территории нынешней Эфиопии.

Олав Магнус (1490—1558)

Олав Магнус (1490—1558) — шведский церковный деятель, католический священник, после 1523 г., в связи с победой Реформации, — в изгнании в Риме, где среди прочего написал «Историю народов Севера».

Джон Уиклиф (1324—1384) — английский богослов, предшественник Реформации, переводчик Библии.

К немецкой речи

Готфрид Келлер (1819—1890) — швейцарский немецкоязычный писатель, автор романа «Зеленый Генрих».

Джону Китсу (1795—1821)

Фанни Брон — невеста Китса.

В бессонном соловье и стройной вазе... — «Ода соловью», «Ода греческой вазе» — шедевры Китса.

Море

Эйрик Рыжий — норманнский мореплаватель, живший в X веке.

И человек, создавший труд всей жизни... — имеется в виду португальский поэт Луис де Камонс, в 1553—1570 гг. служивший в Индии солдатом и работавший там над эпической поэмой «Лузиады».

Ключ в Ист-Лансинге

Ист-Лансинг — городок в США, где расположен университет штата Мичиган, в котором Борхес читал курс лекций.

Причины

Сон мотылька о яви Чжуан-цзы — любимая Борхесом притча старинного китайского философа о бабочке, которой снится, что она философ Чжуан-цзы, которому снится, что он бабочка, и т.д.

Зенонов круг сомкнувшихся времен — стоики, и среди них — Зенон, учили о циклической природе мироздания.

Геройский меч на роковых весах — речь о Брене, предводителе галльских воинств, окруживших Рим: когда осажденным не хватило золота, чтобы выкупить город, он швырнул на весы свой меч со словами: «Горе побежденным!»

Палатка Цезаря фарсальским утром — утром боя под Фарсалом, где Цезарь победил Помпея.

«Колода картежника» — так называлась неопубликованная книга юношеских рассказов Борхеса.

«В моем конце мое начало...»

(Послесловие переводчика)

...Когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих...

Арсений Тарковский

Когда, вернувшись ко временам своей молодости, в Женеву, восьмидесятисемилетний Борхес в июне 1986 года умер, круг его жизни завершился с безупречностью сонета. Что в этом было от намерения, а что — от случая, не скажет никто. Но о самой подобной цельности патриарх испаноязычной литературы задумывался не раз. Снискав мировую славу и едва ли не все мыслимые земные почести, он мерил сделанное масштабом культуры и с непрестанным недоумением взирал на себя в роли знаменитого писателя. Наедине с собою — прежде всего в стихах — он по-прежнему задавался все тем же юношеским вопросом: «Кто я?», то в одной, то в другой строке предвосхищая «канун» (это один из ключевых Борхесовых символов наряду с «зеркалом» и «лабиринтом», «шахматами» и «компасом», «розой» и «морем»), когда всего лишь на миг жизнь обретет наконец полноту осуществленности, став нерасторжимым и неизменным единством.

Только в рамках этого целого и приоткрывается искомый ответ, предстает, как далекому герою «Воображаемой поэмы» Борхеса,

...буква,
которой не хватало, образец,
назначенный нам Богом изначально.

И следом, а вернее сказать — тут же, увиденное и понятое вновь становится иным: для него начинается другой отсчет времени. Целиком осуществившийся удел набирает этим силу — преодолеть заданное пространство и время, раздвинуть рамки простого отбывания отпущенного живым срока и вырасти до надвременной эмблемы человеческой участи, символа человека. Став собою, живущий — и это единственное подтверждение того, что он впрямь был! — может надеяться превзойти себя и дать образец другому — перевоплотиться, став другим, и тем самым все-таки пребыть собою. «Цель», «целостность» и «исцеление» — как будто бы в неслучайном языковом родстве.

Может быть, мысль об этом предугадываемом и неотвратимом преображении — завещанном еще евангельской

притчей о пшеничном зерне, предназначенном смерти, чтобы дать плод, — и была нервом всего сделанного Борхесом, его подспудным двигателем, основным сюжетом и корневым, повторяющимся образом стихов, рассказов и эссе. Не случайно персонажи его произведений, кочующие со страницы на страницу и из книги в книгу, — так часто первогерои древних мифов и сказаний, ставшие на века прообразами человеческих судеб: пахарь, жрец, мореход, воин, сказитель, по чьему сверхличному уделу Борхес не уставал тосковать. Вся его биография — поиск мысленных вех иного, нездешнего пути, непрожитой, «эпической» участи.

В драматическом отчуждении от собственной эпохи и окружающей повседневности сплелось многое. Скажем, комнатное детство болезненного ребенка и юность в чужих краях. Но различимы тут и другие силы, а среди них — тяга к разрыву с бездарным временем, когда (как вспоминал Борхес в стихотворении «Тысяча девятьсот двадцатые»)

...ничего не происходило,
а мир, трагический мир, был далеко отсюда,
и нам предстояло искать его в прошлом.

Окончательно отсекала его от общей жизни слепота, начавшая развиваться еще в конце тридцатых годов, после несчастного случая. Слепота тем более тягостная, что судьбой писателя всегда были (и до конца остались) книги. Сначала — те, которые он с первых лет жизни, еще в отцовской библиотеке, листал. Позже — те, которые написал сам, в чем признавался с сомнением и растерянностью, всегда видя в себе лишь читателя и с некоторой грустью отмечая, что лучшее в нем — из книг других и от самого языка. Наконец — те, которые он, ослепнув, хранил и вспоминал, став с середины пятидесятых директором Национальной библиотеки Аргентины.

Мир Борхеса — это человечество в его истории. Есть тут свои излюбленные места, эпохи, имена: Скандинавия, иудейский и арабский Восток, дальневосточный регион (Индия, Китай, а в последние годы — Япония, где он побывал), Северная Америка, чью литературу переводил и преподавал в тамошних университетах. Причем одни любимцы как бы знакомят нас с другими, связывая круговой порукой посвящения: английские прерафаэлиты дарят европейское Средневековье, Киплинг — Индию, переводчик Хайяма Фицджеральд — Ближний Восток. Особенно занимают Борхеса «книги книг», вобравшие в себя целые миры и ставшие «всем для всех» — своего рода формулами человечества на его жизненных путях. Это Библия и «Тысяча и

одна ночь», германский эпос и исландские саги, Данте и Шекспир, Сервантес и Уитмен. Но это и анонимный «первый поэт Венгрии», и безымянный же «малый поэт 1899 года» (то есть эпохи накануне рождения Борхеса), и автор японских хайку, и создатель первого итальянского сонета. Мандельштамовский скальд, который «чужую песню сложит // И как свою ее произнесет», — ключевой образ и Борхесовой музыки, поскольку неотменим закон существования культуры, где мелочные тяжбы о доле своего и чужого невозможны и нелепы. Недаром самыми интимно-биографическими, лично пережитыми книгами в европейской литературе Борхес считал такие своды цитат и примеров, как «Опыты» Монтеня и «Анатомия меланхолии» Бертона.

Но странное дело! Этот человек, ни в стихах, ни в прозе не занимавшийся собой, столь необычно объективный даже в лирике, имеющей просто-таки портретных героев, оказывается, населил свои страницы не только книжными любимцами и далекими предками — португальскими евреями, итальянцами и англичанами, сражавшимися в войнах за независимость Латинской Америки и ее гражданских междоусобицах. Здесь и образы матери и отца, детские игры с сестрой, ставшие потом сюжетами его фантастических рассказов; сама топография родительского дома, которую можно восстановить комната за комнатой; юность в дремотной Швейцарии бок о бок с полями первой мировой, странствия по послевоенной Европе и возвращение на окраину мира, в захолустный Буэнос-Айрес, становящийся от десятилетия к десятилетию совсем другим, уже неузнаваемым; долгая эпоха безвременья в придушенной диктатором стране, растерявшей достоинство высокого прошлого, и сентябрьские дожди 1955 года, смывшие следы национального позора, положив конец перонистскому режиму изоляции и самовосхваления; долгие дни одинокой старости после потери матери, нечаянное счастье поздней любви и столько всего еще!.. Лишь по особенной, чуть взволнованной интонации да еще, пожалуй, несколькими повторяющимися деталям и выражениям, переходящим из книги в книгу, можно различить в такой, казалось бы, бесстрастной поэзии и прозе Борхеса эти островки собственного прошлого, уже все более вечного. Не понимавший слова «я», находивший и терявший себя в тысячах зеркал и двойников, видевший венец жизни в том, чтобы умереть совсем и никогда больше не быть кем слыл, Борхес, «буэнос-айресский Эдип», с редкой отчетливостью осуществил собственный и — теперь уже можно об этом судить — далеко вышедший за пределы времени, места и обстоятельств удел, воплотивший старинную мудрость, известную по тютчевской формуле: «Все во мне, и я во всем!..»

Об авторах

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС (JORGE LUIS BORGES; 1899—1986) — аргентинский поэт, прозаик, переводчик. Автор тринадцати поэтических сборников, книг рассказов «Вымышленные истории» (*“Ficciones”*, 1944), «Алеф» (*“El Aleph”*, 1949), «Сообщение Броуди» (*“El informe de Brodie”*, 1970), «Книга песка» (*“El libro de arena”*, 1975), «25 августа 1983 года» (*“Veinticinco Agosto 1983”*, 1983), сборников эссе.

По-русски произведения Борхеса публиковались в книгах «Из современной аргентинской поэзии» (М., 1982), «Проза разных лет» (М., 1984 и 1989), «Поэзия Аргентины» (М., 1987) и др., на страницах «ИЛ» (1984, № 3; 1988, № 10; 1990, № 3); в Библиотеке «ИЛ» вышел сборник его рассказов «Юг» (М., 1984).

Вошедшие в подборку стихи взяты из книг «Творец» (*“El hacedor”*, 1960), «Другой, все тот же» (*“El otro, el mismo”*, 1964), «Золото тигров» (*“El oro de los tigres”*, 1972), «Глубинная роза» (*“La rosa profunda”*, 1975), «Железная монета» (*“La moneda de hierro”*. Madrid, Alianza Editorial, 1976), «История ночи» (*“Historia de la noche”*. Buenos Aires, Emecé Editores, 1977).

ДУБИН БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (род. в 1946 г.) — советский поэт-переводчик. В его переводах публиковались стихи испанских, португальских и латиноамериканских поэтов (А. Мачадо, Х. Р. Хименеса, Ф. Гарсиа Лорки, Ф. Пессоа, Х. Л. Борхеса, М. Мартинеса), французских поэтов (Т. Готье, Г. Аполлинера) и др.